

АЛЕКСАНДР КАЗИНЦЕВ

ДРУЗЬЯ И ВРАГИ “ПРОБУЖДЕНИЯ”

ЧУВСТВО РОДИНЫ В ЭПОХУ СМУТЫ

Год назад “Наш современник” начал публикацию романа Андрея Тимофеева “Пробуждение”. Первые две части появились в мартовской книжке журнала, ещё две в апрельской.

Роман вызвал живой отклик. 17 материалов в газете “Правда”. 2 статьи и 70 комментариев на сайте “Росписатель”. 2 рецензии в “Дне литературы”. По одной в “Нашем современнике” и “Красной весне” (газета движения “Суть времени”).

Давно ли вы читали столько откликов на литературную новинку? Полярно противоположных – восторженных и разносных. Признайтесь, такой реакции не было много лет.

Почему же роман Андрея Тимофеева выломился из общего ряда? Почему сочинение молодого автора, не разрекламированного премиально-издательским лобби, оказалось в центре литературно-общественных споров?

Конечно, первой приходит мысль о таланте писателя. И мы ещё будем говорить о его мастерстве. Однако талант – понятие достаточно субъективное: кто-то способен оценить, кто-то нет.

Поэтому начну с причины бесспорной. “Пробуждение” насыщено приметами недавнего времени – событиями, ожиданиями, опасениями эпохи драматичной, переломной, как тогда казалось. Роман открывается фразой: “Эта история началась для меня 15 марта 2014 года, накануне референдума о статусе Крыма”.

И далее – без сюжетной раскочки, – как газ под давлением выталкивается из баллона: “...Где-то у метро, на автобусных остановках, в уютных кафешках собирались тысячи людей – собирались, чтобы потом разделить на две части, на два больших митинга”.

И глубже – по разлому, до сих пор раскалывающему общество: “Один должен был состояться на проспекте Сахарова – мои знакомые называли его белоленточным... О втором, начинавшемся рядом с метро Трубная, я знал совсем мало, но в нём собирался участвовать мой друг и сосед по съёмной квартире Андрей Вдовин, человек мрачный и суровый, а потому и митинг представлялся мне именно таким”.

Любопытная деталь – о противниках белоленточников рассказчик Владимир Молчанов сообщает на контрасте: “...О втором... я знал совсем мало”.

Значит, про собравшихся на Сахарова он знает больше, но всё внимание сосредоточивает на их оппонентах. Так на первой же странице герой делает выбор. Точнее, первый шаг на пути к выбору, который приведёт его к движению “Суть” под руководством Сергея Кургузова.

Не стану оценивать этот шаг, хотя я много говорил о нём с Тимофеевым. Меня как редактора прежде всего волновало наложение романного сюжета на воспоминания о реальных событиях. Год назад эти воспоминания обострились предельно: в марте отмечали пятую годовщину присоединения Крыма и начала донбасской кампании.

Я торопил Андрея. И в конце концов пошёл на серьёзный риск: сдал в типографию первые две части, ещё не зная, чем кончится роман. Риск оправдался! Дыхание узнаваемой эпохи наполняет, движет многоуровневую романную структуру. Опытный критик, друг Валентина Распутина Виктор Кожемяко, открывая дискуссию в “Правде”, заметил: “Время совсем недавнее, не успевшее остынуть. Жар украинско-донбасских событий словно овеивает страницы повествования, жгуче отражаясь в чувствах, мыслях и даже в судьбах персонажей, хотя живут они далеко от разгоревшейся войны – в Москве” (“Правда”, № 98, 2019).

События горячей эпохи органично и мощно вписаны в роман. Вот митинг “Сути”: “... Вдруг в стилом воздухе раздался хриплый голос: это был маленький человек в меховой шапке, стоявший на сцене у микрофона... Он сделал паузу, так что пространство вокруг натянулось и стало слышно, как кто-то коротко кашлянул, где-то лязгнуло железное ограждение, ветер вздохнул во флагах (тем, кто хотел бы начать разговор с таланта автора, предлагаю насладиться мастерством описания. – А. К.). А потом... по площади пронеслось надрывное: в Москве майдану не бывать...”

“В Москве майдану не бывать”, – повторили за человеком в меховой шапке сотни людей. Сначала – неуверенно, стесняясь своих голосов, слишком разных и нестройных. Но уже в следующее мгновение перестали сдерживаться, почувствовав знакомый напор в хриплых словах, как волки чуют запах своей стаи, и тогда вся площадь закипела: “В Москве майдану не бывать... В Москве майдану не бывать...”

Сцена митинга продублирована в третьей части – на этот раз он посвящён годовщине Октябрьской революции. А между двумя яростными многофигурными “фресками” – множество политической конкретики: зарисовки собраний “Сути”, куда вслед за Андреем и его девушкой Катей приходит Володя Молчанов, описание сбора вещей для Донбасса, хроника пикетов с раздачей листовок, рассказ об “осенней школе” в Васильевском, где Кургузов и его окружение программируют сознание участников.

Но эпоха, насквозь пропитанная политическими страстями, – лишь один пласт, один уровень сложного текста. “Пробуждение” – роман не только о времени, но и о любви. Молодой критик Юрий Харлашкин даже задаёт вопрос: “Что в романе главное: политика или любовь?” (“Правда”, № 12, 2019).

Если бы им задался сам Андрей Тимофеев, он бы написал произведение одномерное. К счастью, прозаик не разделяет тематические пласты. Политика, Эпоха вмешиваются в любовные отношения Кати с Андреем и Володи с комиссаршей “Сути” Варварой. Время корёжит их, испытывает на излом, и это вмешательство в человеческие судьбы придаёт тексту драматизм. С болезненной остротой вводит тему: человек – история, занимающую роковое место в веке XX. И, как показывает Андрей Тимофеев, не менее актуальную в новом столетии.

Уже на второй странице автор сталкивает порыв Кати, пришедшей на митинг поддержать любимого, с безличной мощью толпы. “Катя изо всех сил замахала ему ладошкой, но Андрей не заметил”. Здесь зерно любовного сюжета – до последних страниц, до прозрения Андрея, его превращения из зомбированного пушечного мяса в мыслящего и чувствующего человека, – события будут воспроизводить ту же матрицу.

Писатель ещё раз закрепляет мотив одиночества Кати, предельно расширяя его смысл. Уходя с митинга, Володя обернулся – “и не смог различить Катину фигурку посреди огромной площади”.

Столкновение человеческого порыва и надчеловеческого безразличия поднято на новый уровень, достигая впечатляющего обобщения. Если в первом случае Андрей мог заметить жест Кати (он стоял всего в нескольких

шагах от неё, но, увлечённый речами ораторов, не оглядывался), то во втором фигурку девушки не различить: масштаб человеческий сменяется масштабом истории.

Тему любви автор отдаёт Кате и Варе. Андрей и Володя – эмоционально ведомы. Они слишком рациональны и потому не способны полностью отдаться чувствам. “...Спрашивается, кто важнее ему – я или эта ячейка, – жалуется Катя рассказчику. – Почему ему больше нравится заниматься всякими политическими делами, чем быть со мной? Но ведь так не должно быть”.

Катя “мечтает оторвать (Андрея. – А. К.) от политики, оформить брак, родить ребёнка и подумывает даже вернуться в родной городок, чтобы жить в нём спокойной семейной жизнью, – пишет Валентина Семёнова, иркутский критик, знакомая с Валентином Распутиным. – Перед нами искренняя, непосредственная, с оттенком милой шаловливости молодая женщина... Катю жаль: она пока не догадывается, что история имеет свойство повторяться, и над её супружеством с Андреем нависла серьёзная опасность” (“Правда”, № 104, 2019).

Катя по-детски религиозна. Стремясь спасти любовь, она идёт в храм. Андрей Тимофеев психологически точно запечатлел эту сцену: “...Именно там, в глубине, находится единственный источник чуда, и в отчаянной надежде прикоснуться к нему и пришли сюда все они”.

Позднее она расскажет о своём порыве Володе: “...Я поняла... главное, это когда после самого мерзкого и отчаянного настроения вдруг просыпаешься, и так светло, и чувствуешь, как будто Бог рядом, и ты точно уверена, что это Он”.

Чистая вера так велика, что рассудительный Володя столь же эмоционально откликается на Катины слова: “Я смотрел на неё и удивлялся – откуда это в ней. Она выросла в обычном районном городке, ходила в школу, поступила в институт, но это стремление испытать мир и найти в нём главное, различить, что правдиво, а что нет, а потом прилепиться к этому правдивому, – было в ней всегда”.

Может быть, рассказчик, поддавшись силе Катиного чувства, преувеличивает. Девушка не стремится “испытать мир”, она хочет любви, семьи, счастья. Но, если вдуматься, разве не любовь – основа жизни и мира? По слову апостола: “Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая и кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто... Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится” (Ап. Павел, 1 Коринф. 13: 1-2, 8).

И откликаясь не только на Катину признанию, но будто вдохновляясь словами апостола, Володя – да нет, сам автор – торжественно завершает сцену: “...Почему-то казалось мне, что останутся в этом воздухе её, Катины, слова, и останется её уверенность, и её красота – и будут вечно, и ничто уже не сможет стереть из памяти мира ни одного доброго её слова, ни одной улыбки, ни одного движения души – и этого достаточно будет, чтобы мир стоял ещё”.

Поразительное проникновение в душу женщины, любование её душой! В современной литературе только у Валентина Распутина найдём такое же глубокое понимание женского характера. Думаю, не случайно среди ценителей “Пробуждения” оказались критики, близкие к писателю – Виктор Кожемяко, Валентина Семёнова.

А за героинями Распутина угадываются женские образы золотого века русской литературы. Ни в коем случае не равняю с ними Катю. Времена другие, да и масштаб другой. Говорю лишь о верности автора “Пробуждения” русской классической традиции. Той вере в животворное назначение женщины, которое отличает отечественную литературу.

Может показаться, что я делаю слишком поспешные выводы на основании одного женского образа. Но я помню Женю из повести Андрея Тимофеева “Навстречу”, Настю из “Меди звенящей”, героинь его рассказов.

Менее удачен, на мой взгляд, образ Вари. Это изломанный характер из замутнённого патологическими любовными отношениями истока. Характер, соединяющий несоединимое – горячечную сексуальность, истовую религиозность и революционный догматизм.

Конечно, в нынешние времена всевозможных патологий предостаточно. Однако плохо верится в то, что их можно соединить с партийным фанатизмом и подлинной религиозностью.

Это новый для Тимофеева женский образ. Сконструированный, искусственный.

Не стал бы придавать большое значение этой неудаче молодого писателя. За полвека работы в литературе я усвоил: плохой критик (и редактор) судит о тексте на основании неудач. Он в упоении выхватывает дисгармоничную строку, неточный эпитет и потрясает находкой: “Смотрите, не получилось!” Талантливый мастер оценивает текст по вершинам. Нет, он не отворачивается от неточностей и помарок (а они есть даже у лучших из лучших), указывает на них и по мере сил старается исправить. Но значимость написанного определяет, исходя из писательских удач.

Любовь в романе драматически переплетена с насилием. Не физическим – в “Пробуждении” нет brutальных сцен – психологическим. Движение “Суть”, куда от Кати уходит твердолобый Андрей и где Володя Молчанов встречает Варвару, настоящая секта.

Поначалу рассказчик пытается убедить себя и своего давнего институтского друга Бориса: “...Всё равно я уверен, что это не секта”. На что получает раздумчивый ответ: “Хорошо, если так... Просто самые опасные секты как раз-таки не те, где сразу видно, а те, по которым вроде и не скажешь – правильные вещи говорят”.

В конце романа, провожая участников ячейки на “осеннюю школу” в Васильевском, мать одного из них причитает: “Секта какая-то, за что же нам такое наказание”.

Слова на собраниях действительно говорят правильные. Главная мысль: “Все мы считаем гибель Советского Союза своей личной трагедией”. Так думает и Володя Молчанов. Так считают миллионы людей по всей России.

А дальше начинается обработка сознания. “В его (Кургузова. – А. К.) словах была одна повторяющаяся мысль, что теперь всё изменилось, что началась война, в которой можно только победить или умереть”.

Даже вдумчивый Володя поддаётся внушению: “...Живое ожесточение этих слов действовало на меня”. Однако у него хватает здравомыслия, чтобы отметить “ожесточение” в речах руководителя “Сути”. В другой раз Володя выражается более точно – “безумное ожесточение”. И наконец: “Лицо Кургузова замерло на экране, искажённое остервенелой гримасой...”.

Имя Кургузова для членов ячейки “обладало магической силой”. Он не только пугает происками врага (“идёт война, идёт уже сейчас, каждую минуту...”), но и обольщает “неспящих”, как он их называет, коллективной силой: “...Раньше, поодиночке, вы были слабыми, вы были белыми воронами, но теперь нас тысячи, и мы уже настоящая сила. Вместе мы новое войско, новая армия”.

Ощущение коллективной спайки и дарованного ею могущества (недаром рассказчик отметил “запах стаи”, вдохновлявший сторонников “Сути”) затягивает в организацию таких людей, как Андрей. “...Слаженность и эффективность вызывала у Андрея уважение, и, может, именно она и стала для него окончательным аргументом, чтобы взяться за дело и записаться, наконец, в актив”.

По Андрею можно судить и о результате обработки. Володя, с симпатией относящийся к старому другу, вынужден признать: “Меня часто пугали его налитые ненавистью, ничего не видящие глаза в те моменты, когда Андрей говорил о каких-нибудь либералах или других врагах, и страшно было подумать, до чего он может дойти в своём ожесточении”.

Такие зомбированные ребята – а их, к сожалению, становится всё больше – представляют опасность не столько для врагов России, сколько для неё самой. Они стремятся подменить вектор развития страны. На ненависти достойного будущего не построить! Мы должны быть первыми в инновациях, в созидании, а не в разрушении.

“...Ваша элита может только убивать тех, кто с ней не согласен”, – срывается Володя на собрании ячейки. “А кто хочет убивать?” – деланно недоумевает функционер Паша. – “Вы, вы!”.

Володя Молчанов – прямая противоположность Андрею и Паше. Именно ему доверяет Тимофеев роль рассказчика.

Повествование от первого лица – испытанный приём русской классической прозы. Вспомним “Капитанскую дочку”, “Подростка”, “Жизнь Арсеньева”. Это придаёт произведению особую доверительность, исповедальность.

Юрий Харлашкин пронизательно замечает, что особой “тематической линией” “Пробуждения” становится “совестливость” текста. “...Эта тема пунктиром обозначена на протяжении всего романа” (“Правда”, № 112, 2019).

Валентина Семёнова обращает внимание на человеческие качества Володи: “Вызывает симпатию его миролюбивый настрой, доброе расположение к друзьям, отсутствие предрешений по отношению к кому-либо и чему-либо”. Критик подчёркивает: “Характер повествователя определяет интонацию романа – она мягкая, сочувственная” (“Правда”, № 104, 2019).

Особую достоверность роману придаёт с любовью выписанный быт. Не в надмирных сферах “чистого разума”, не на расчерченной шахматной доске осуществляют герои свой жизненный и нравственный выбор. Они дружат, ссорятся, плачут в узнаваемых приметах украинной московской малометражки, которую снимают вскладчину.

“Квартира была старая, в ней постоянно ломались то замок от двери, то кран в ванной; тоненькие дощечки выскакивали из паркета и, попадая под ноги, весело и шумно разлетались по коридору”. Это не просто жильё, случайный приют для ночлега. Квартира в “Пробуждении” – полноправный герой. Она заполняется шумом гостей во время праздничных посиделок. Сиротливо пустеет после ухода Андрея: “Дома окна были распахнуты настежь, и ветер по-хозяйски ходил из комнат в прихожую и обратно”.

Этот маленький мир оживает и страдает вместе со своими обитателями. Особое обаяние придаёт ему пушистый “гений места”: “На звук из комнаты стремительно вбегал Маркиз, Катин кот, и в упоении кидался на первого человека, которого видел. Если это была сама Катя, она тотчас же брала его на руки и принималась настойчиво гладить. Мы с Андреем обычно просто стряхивали кота на пол, а Рома, четвёртый сосед, ещё и тихо ругался при этом”.

Автор не просто живо описывает квартиру. Он наполняет её точно подмеченными подробностями жизни. Вот, к примеру, ночной разговор Володи с Катей. Она рассказывает о ссоре с Андреем и его уходе. “Маркиз медленно ходил по кухне, недоверчиво глядя на наши неподвижные фигуры. Но вдруг Катя поднялась и в нервной необходимости что-нибудь сделать шагнула к плите, взяла в руки коробок, чиркнула два раза спичкой – газ вспыхнул и мерно зашипел”.

Неразвитый эстетически читатель спросит: “А что здесь такого?” Поясню. Как редактор и как эксперт (член жюри всевозможных конкурсов, руководитель семинаров молодых писателей) я постоянно сталкиваюсь с необходимостью оценить литературное произведение. Вроде бы всё в наличии: идея, интрига, диалоги, но именно присутствие (или отсутствие!) точных бытовых и одновременно психологических подробностей вроде этой – “в нервной необходимости что-нибудь сделать шагнула” – свидетельствует о мере художественной достоверности текста.

Андрей Тимофеев не ограничивается описанием квартиры и её обитателей. У него всё вовлекается в повествование, выполняет своё назначение. Вот границы квартиры: лестница, по которой герои поднимаются к чердаку, чтобы, стоя у закопчённого окошка, покурить и душевно поговорить о главном; законный пейзаж – “край пустынной улицы: мостовая в крупных каменных плитах, трамвайные рельсы, описывающие круг, в центре которого одинокий фонарь”.

А дальше до горизонта неприятные городские окраины. Автор оживляет и этот холодный мир. Ветер у Тимофеева “осторожный”. Снег “лёгкий, почти весёлый”. Трамвай... Но лучше прочтём: “...Совсем рядом звякнул трамвай, обливая нас густым жёлтым светом, и мы опасливо сгрудились у деревьев, уступая ему мостовую целиком. А когда на нас опять опустился полумрак, ещё некоторое время шли молча вдоль путей, провожая два пронзительных глаза”.

Наглядность описаний – не только свидетельство изобразительного мастерства. С её помощью автор добивается достоверности. Читатель видит, слышит, ощущает происходящее. И верит писателю.

Верит, что мир в романе воссоздан, а не придуман. Он имеет прочную жизненную основу. Автор честен и правдив в описаниях.

Существенный момент, на который обратила внимание Валентина Семёнова. Герои “Пробуждения” – нормальные молодые люди. Казалось бы, что тут необычного? Критик поясняет: “Роман привлёк моё внимание тем, что он о современной молодёжи. Причём о молодёжи, которую нечасто встретишь на книжно-журнальных страницах последних лет и даже десятилетий. Ей подходит слово “нормальная” – то есть без стремления к “крутизне”, без тяги к порочным удовольствиям, без пристрастия к нецензурной лексике и т. д. Это молодежь, обживающая Москву” (“Правда” № 104, 2019).

Тот, кто не пропускает литературные новинки, думаю, согласится с В. Семёновой. Современная литература переполнена всевозможными “фриками”, людьми с изменённым сознанием и девиантным, как говорят медики, поведением. Причём, издатели и члены жюри громких премий привечают именно такую литературу. Если в произведении нет геев и лесбиянок, больных СПИДом, отсутствуют сцены изнасилования и пр. (“литературные реалии” из произведения лауреатов), то с мечтой о наградах можно распрощаться.

Сегодня нужно мужество, чтобы писать о “нормальных” людях. Мужество и художественная честность. Андрей Тимофеев обладает этими редкими качествами.

Сильные стороны “Пробуждения” – достоверность и задушевность интонации – сливаются воедино в потрясающей сцене у Курского вокзала. Это смысловая вершина романа, объясняющая и оправдывающая название – “Пробуждение”.

Но прежде чем перейти к этой сцене, задержимся на подступах к ней. Обратим внимание на мысль, которую осторожно, дабы не опозлить плакатностью, пытается сформулировать Володя. Возвращаясь с собрания ячейки, он ощущает “лихорадочное волнение от того, что где-то там, за сотни километров, есть легендарная жизнь, где стоят на защите своей земли русские люди и говорят: “Мы не отступим”.

Но мало со стороны полюбоваться “легендарной жизнью”. Восхищение ею испытали многие, тем более, официальная пропаганда настойчиво подталкивала именно к такому отношению. Чувство Володи глубже: “... Мне теперь казалось, что и я имею какое-то отношение к этим людям, потому что и я тоже – русский человек”.

Кто-то поспешит осудить рассказчика. Дескать, не горячее это чувство, недостаточно выражен патриотизм. Осудят, а Володя в финале романа купит на свои сбережения лекарства и повезёт их в Донбасс.

Но прежде ему нужно испытать мысль на подлинность, а себя – на причастность к “русским людям”. Не эффектное, зато честное отношение. “Это чувство было... достаточно явным и вроде бы настоящим”.

И опять предвижу гул недовольства: “Вы только послушайте – “вроде бы настоящим”. Он, видите ли, не уверен”.

Да, не уверен. В эпоху тотальных манипуляций совестливый человек вынужден любую мысль проверять на подлинность. Чтобы под видом своей не повторять внушение какого-нибудь собирательного Киселёва.

Ещё и ещё возникает в романе связка: человек – страна. Рассказчик пытается понять, насколько она крепка и как глубока она в его душе, в самом существе Володи Молчанова. Это попытка самоопределения. Не зря роман называется “Пробуждение”.

Самоопределение через осознание своей связи с Родиной. Своей русскости. Очень точное наблюдение – человек, пытаюсь ответить на вопрос: кто я? – в конце концов приходит к своим национальным корням. Принимает их. Или отвергает. Как Иванушка из фонвизинского “Бригадира”: “Тело моё родилось в России, это правда; однако дух мой принадлежит короне французской”.

Но большинство не задумывается ни о себе, ни о России! “Всё ОК. Кто за “Клинским”?”

Вот почему осторожная совестливость, с какой Володя идёт к постижению своей русскости, вызывает у меня не осуждение, но сочувствие и теплоту.

“... Чем дольше я сидел в тишине, тем сильнее охватывало меня другое, более сильное чувство, как если бы что-то плохое случилось с кем-то из моих близких (разрядка моя. – А. К.). Будто действительно человек в меховой шапке был прав, и приближалось страшное, может, начало большой войны... Я подумал о стране, наверное, я любил её, но не понимал до конца, что же это на самом деле значит”.

Понимание придёт на последних страницах “Пробуждения”. И не просто понимание — чувство Родины.

Приведу цитату, пространную, потому что в сцене у Курского вокзала мысль не даётся, как готовая формула, а вызревает, рождается из впечатлений, настроения, ощущения окружающего мира: “Впереди горели огни стеклянного моста, ведущего на лениво просыпающийся “Атриум”. Поднялся в сверкающую сытую желтизну торгового центра, в просторные холлы, где белые лица манекенов окружали со всех сторон. Казалось, здесь-то, в довольстве и мерцании, всё замылено, освобождено от боли. Но вот попало одно человеческое лицо, другое, и все несчастные, перекошенные, одинокие среди показной роскоши.

Возможно, пришедшие в неё из той же безысходности, что и я, только желая ещё и купить что-нибудь, а потом надеть и пройтись по блестящим коридорам, выпрашивая чей-то даже не восхищённый, а хоть бы завистливый взгляд. Несчастные болезненные люди бродили вдоль бутиков, и с верхнего этажа было видно в прогал, как их много на уходящих вниз этажах, и никому нельзя было помочь, хоть бросайся вниз и, тщетно хватаясь за огромные шары свисающих на гирляндах люстр, разбивайся насмерть о мраморные полы. Вышел обратно к вокзалу, бесцельно шатался по морозу, попав уже к другим несчастным — нищим, жавшимся к стенам, уныло бубнящим таксистам, мятым приезжим, устало волочившим огромные сумки, — и эти едва ли были счастливее тех, из “Атриума”.

А у самого входа в метро остановился, беспорядочно оглядываясь, и подумал, что здесь, в Москве, те же страдающие беззащитные люди, что и на Урале, и в Питере, и в том же Луганске, и не обязательно уезжать, чтобы помочь им — вот они перед тобой, помоги хоть кому-то, отдай жизнь хоть одному. И тогда все они разом слились для меня в один огромный организм, который захотелось назвать Родиной. Родина жила здесь, на привокзальной площади, мёрзла на деревянных ящиках из-под хурмы, взмывала в пластмассовый мир бутиков, тряслась по рельсам на тысячи километров вокруг, она была настоящей, я ощущаю её в сыром ноябрьском воздухе, она мучилась и страдала, моя погибающая Родина, но я не знал, как её спасти, и нужно ли ей то, что могу сделать я”.

Намеренно привёл текст целиком, чтобы читатель в полной мере ощутил его живое движение, мощную динамику горьких признаний, мастерскую широту картины, зримую точность контрастных зарисовок.

Можно восхищаться яркостью описаний сверкающего детища постсоветской Москвы — “Атриума”, сытого, как точно подмечает Андрей Тимофеев, рая для богатых. И порадоваться социальному чутью автора, сумевшего разглядеть “среди показной роскоши” несчастных одиноких людей. В сущности перед нами описание не только роскошного торгового центра, но своего рода символ новой Москвы — внешнее величие, за которым — отчуждение и страдания людей.

Можно ощутить мрачное притяжение бездны, характерное именно для таких мест — схожее чувство захватило меня в Берлине, когда с верхнего этажа циклопического вокзала Банхоф я смотрел на бесчисленные пролёты железного “человека”.

Можно отметить грустную наблюдательность автора, которому сияние “Атриума” не помешало увидеть “мятых приезжих”, “устало волочивших огромные сумки”.

Но мне важно показать, что все эти запоминающиеся детали и образы сливаются воедино, рождая прочувствованные слова о “погибающей Родине”.

В русской литературе, великой во многом благодаря глубокому переживанию связи со страной, мало найдётся подобных признаний! Не смотрите на молодость и недостаточную известность автора. Вчитайтесь в текст.

К сожалению, сегодня утрачена культура чтения. Умение отдаться обаянию слова. Поверить ему. Пойти за ним. Читают, а в голову лезут литературные рейтинги, чужие концепции, предубеждения. Отбросьте эту ерунду и погружитесь в текст.

Попробуйте найти похожий. Разве что у Александра Блока: “Родина — это огромное, родное, дышащее существо, подобное человеку, но бесконечно более уютное, ласковое, беспомощное, чем отдельный человек...”

Не закрываю список. Наверняка каждый припомнит своё, у сердца хранимое. Но ведь у сердца хранят самое дорогое! И то, что текст молодого автора естественно, без натяжек входит в этот заветный ряд – наивернейший показатель его значимости.

Сцена у Курского вокзала – вершина “Пробуждения”. Здесь можно было бы поставить точку. Отъезд героя в Луганск – важная частность. Не более того.

Володя мог бы поехать на Урал или в Питер. В огромной России столько мест, где люди нуждаются в помощи. Мог бы остаться в Москве – у Андрея Тимофеева есть замечательный рассказ “Нина”, где православные волонтеры пытаются спасти заболевшую бездомную женщину на одном из московских вокзалов.

Конечно, выбор маршрута имеет значение. В 2014-м в разгар боёв на Донбассе поездка с лекарствами в Луганск была особенно важна. Но главное всё-таки в том, что герой дорос до осознания необходимости помочь страдающим. В этом смысл “Пробуждения”.

А дальше уместно припомнить слова Фёдора Достоевского, которыми он завершает “Преступление и наказание”: “Но тут уж начинается новая история, история постепенного обновления человека, история постепенного перерождения его... Это могло бы составить тему нового рассказа, – но теперешний рассказ наш окончен” (Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч. в тридцати томах, Т. 6, Л., 1973).

ПРАВДОИСКАТЕЛИ И “МАСТЕРА ЗЛОСЛОВЬЯ”

Признаюсь в искушении на этом и завершить статью. Ограничиться анализом романа. Разбирать многочисленные отклики – занятие хлопотное. А если они грешат явной недобросовестностью, то и неприятное.

Но именно реакция читающей публики во многом определяет оценку произведения. Его литературную судьбу. А подчас и судьбу его автора.

Вспомним драму позднего Пушкина, переросшего своих читателей. Публика не поняла и не приняла его вершинные творения. Многие из них остались неопубликованными при жизни поэта. Разбирая ненапечатанные стихи Пушкина, Евгений Баратынский изумился. В письме жене от 6 февраля 1840 года он писал: “Все последние пьесы его отличаются чем бы ты думала: силою и глубиною!”

Подумайте, какое обеднённое представление о русском гении мы бы имели, если бы его рукописное наследие не увидело свет! В том, что сегодня мы знаем всего Пушкина, заслуга не только его публикаторов и биографов. Не менее важна роль критики, привлекавшей внимание к его творчеству и утвердившей славу Пушкина как первого русского поэта.

Постижение таланта, определение его истинной значимости – это, как правило, борьба различных взглядов, концепций, интерпретаций. Борьба за писателя, а нередко против него.

Виссарион Белинский первым осознал и утвердил место Пушкина в отечественной поэзии. Но он же не принял и превратно истолковал христианский настрой “Выбранных мест из переписки с друзьями”. Его ожесточённая полемика с Гоголем оказалась роковой: потребовалось полтора столетия, чтобы литературная общественность объективно оценила последний труд великого писателя. И это произошло не само собой, не в результате “течения лет”, а стало итогом усилий критиков-традиционалистов, прежде всего Игоря Золотусского.

Даже произведения, признанные классическими ещё при жизни автора, не всегда постигаются во всей полноте замысла. Известны нападки участников сражений 1812 года на “Войну и мир” Л. Толстого. Автора обвиняли в искажении роли Александра I и его генералов в победе над Наполеоном и даже в недостатке патриотизма. Среди критиков были не только верноподданные ветераны, но и такие люди, как выдающийся поэт, основатель Русского исторического общества Пётр Вяземский и герой Бородинской битвы Авраам Норов.

В завершение краткого экскурса повторю то, что писал не раз: мало предложить читателю достойный художественный текст. Необходимо растолковать его, расставить акценты, выделить наиболее (и наименее) удачные

сцены и образы. И – немаловажное уточнение – защитить произведение и автора от некавалифицированных суждений и недобросовестных нападок.

Роман Андрея Тимофеева “Пробуждение” предоставляет для этого широкие возможности. Дело не только в значимости произведения. Не хочу ни приуменьшать, ни преувеличивать её. И разумеется, ни в коем случае не равняю “Пробуждение” с классикой.

Дело прежде всего в обилии откликов и в полярности их. Борьба за интерпретацию – и за самого писателя – в данном случае очевидна. А потому полезно осветить позиции спорщиков, оценить их аргументы и уяснить намерения.

Большинство материалов опубликовано в двух изданиях – газете “Правда” и на сайте “Росписатель”. Они резко отличаются по тону, подходу к тексту и объективности оценок.

Открывая дискуссию в “Правде”, Виктор Кожемяко отметил злободневность романа. Привлекает, по его словам, и то, что “о современных молодых пытается по-своему рассказать почти их сверстник”. Критик отдал должное и журналу “Наш современник”: “Тот факт, что “Пробуждение” появилось именно здесь, закономерен. Можно с уверенностью сказать, что ни в одном литературном журнале не работают так много и внимательно с молодыми авторами, как в “Нашем современнике” (“Правда”, № 98, 2019).

Сознаюсь, меня тронуло признание заслуг журнала. Сейчас в писательской среде модно говорить о работе с молодежью. Но почему-то забывают (не хотят?) сказать о том, кто этим занимается. Можно подумать, будто всё совершается само собой. Сами находят авторы, сами отбираются и публикуются произведения.

На самом деле за каждой публикацией новичка – самоотверженный труд редактора. Именно самоотверженный: откуда, если не оторвав от себя, взять силы и время на поиск талантов? Приходится читать множество рукописей, и хорошо, коли одна из десятка окажется стоящей. Надо ездить на семинары и форумы. Уметь привлекать норовистых дебютантов. Преодолевая отчаянное сопротивление, вычищать словесную невнятицу, обрубать лишние сюжетные линии, делая текст компактным, динамичным.

Вот и с “Пробуждением” пришлось поработать: изменить начало, сразу введя рассказчика, убрать стилистические шероховатости. К счастью, А. Тимофеев умеет слушать и править. Качество, отличающее талантливого писателя.

Даже коллеги нередко спрашивают меня: а стоит ли тратить столько сил? Какова отдача?

Судите сами: наши ведущие молодые авторы – лауреаты престижных премий. О них пишут критики. Их переводят. Произведения Андрея Тимофеева, Юрия Лунина, Андрея Антипина публикуются на французском, итальянском, китайском. А Елена Тулушева вообще “чемпион” – её рассказы переведены на 10 языков.

Великолепный результат! Оценка в том числе и нашей работы.

Главное: с каждым годом круг авторов расширяется. Молодёжный номер “Нашего современника” традиционно выходит в августе. В 2017-м в нём напечатаны 20 прозаиков и поэтов. В 2018 – 30. В 2019 – 38. А ведь мы печатаем молодых и в течение всего года.

Но вернёмся к дискуссии о “Пробуждении”. Публикации в “Правде” можно разделить на два разряда – статьи профессиональных литераторов и отклики партийных активистов.

Профессионалы выделяют различные стороны романа. Юрий Харлашкин – “совестливость текста”. Валентина Семёнова – жизненную укоренённость героев. Ирина Иваськова анализирует женские образы. Главной удачей она считает образ Кати: “Катя – живая, цельная и, пожалуй, единственная среди персонажей романа не нуждающаяся в том самом “пробуждении”... Катя уже проснулась. Она уже живёт, пусть её внутренний мир при этом не так уж сложен и многозначен” (“Правда” № 108, 2019) .

Партийцы делают акцент на социальной проблематике: “Пробуждение” – о современных проблемах молодых людей, ищущих своё место в жизни, – отмечает А. Онисенко, секретарь по идеологии Приморского райкома КПРФ (Санкт-Петербург). – Они стремятся к наполнению своей жизни серьёзным содержанием, которое оправдывало бы их существование, но ориентиров

чётких у них пока нет. . . Это действительно характерно для нынешних поколений молодёжи, и в целом такая тенденция передана в романе правдоподобно” (“Правда”, № 112, 2019).

Не забывают сказать и о мастерстве романиста: “Автор ярко и рельефно раскрывает становление мировоззрения молодых людей в поисках ответов на вызовы времени: война на Украине, тотальная несправедливость в России, способы изменения ситуации и другие темы”, – пишет Артём Александров, секретарь Тамбовского обкома КПРФ (“Правда”, № 112, 2019).

Обращаю внимание на ранг откликнувшихся. Видимо, роман А. Тимофеева заинтересовал, “зацепил” этих серьёзных людей.

Рядовые активисты тоже в целом положительно отзываются о “Пробуждении”. Наталья Бухвал, библиотекарь из Пскова, называет роман “необычным”. “В чём же необычность этого произведения молодого автора? – спрашивает она. – Уже хотя бы в том, что в центре его – представители достойной части современной молодёжи. Ведь как сейчас прозаики пишут о молодых. Обычно в связи с какой-либо наркоманией, криминалом, компьютерной зависимостью и прочими пороками. У Тимофеева – иное”.

Бухвал подчёркивает: “. . . Роман поднимает очень важные вопросы. Что делать молодым, когда пробуждается гражданское сознание? Как не попасть им в ловушку политических кукловодов, использующих искренние намерения юных в своих целях?” (“Правда”, № 108, 2019).

Не обходится и без критики. В основном она связана с неочевидной партийной принадлежностью героев и самого автора. Стремясь привлечь к “Пробуждению” как можно больше внимания, В. Кожемяко обозначил как главную тему романа “становление молодых коммунистов” (“Правда”, № 98, 2019).

Разумеется, это преувеличение. Опытные партийцы спокойно уточнили: “Герои произведения – молодые люди левых взглядов” (“Правда”, № 112, 2019). Однако рядовые члены КПРФ не на шутку возбудились: “Думается, называть коммунистами молодых героев “Пробуждения” рановато, – строго указывает А. Крюков из Ростова-на-Дону. – Как (они. – А. К.) думают менять жизнь в своей стране? Какой хотят видеть экономику, государственное устройство? Об этом в романе молчат. Может быть, берегут тайну? Зато ходят в церковь и дома молятся” (“Правда”, № 112, 2019).

Последняя фраза походит на донос. Но и начальные обвинения не лучше. Крюкову невдомёк, что, если бы А. Тимофеев взялся отвечать на вопросы о государственном устройстве и экономике, у него бы вышел не роман, а политический трактат.

Предъявляет претензии и Евгений Мельник, член КПРФ из Орла: “Да, Тимофеев показывает естественное стремление молодёжи к справедливости, её патриотизм, обращение к советскому прошлому, знаковым фигурам, желание быть близкой и сопричастной к большой идее – это всегда лежит в основе молодёжного восприятия коммунистической идеологии. Но это ещё не коммунистическая идея”.

От констатаций Е. Мельник переходит к обвинениям: “Или автор сам не знает, кто такие коммунисты и у него весьма смутное представление об их идеологии, или он сознательно лукавит, и тогда нежелание расставить все точки над “I” вызывает сомнение в настоящих мотивах его творчества” (“Правда”, № 135, 2019).

Кажется, будто это твердолобый Андрей из “Пробуждения” шагнул из романа в реальную жизнь и с подозрением уставился на автора.

Ну что же, это ещё одно доказательство художественной зоркости А. Тимофеева. Он сумел разглядеть характерный тип начётчика, считающего: либо ты стопроцентно соответствуешь доктрине, либо тебя, голубчик, надо “разъяснить”.

Кто-то из участников дискуссии упрекал героев, прежде всего Володю Молчанова, в недостатке политической активности. Видимо, критики исходили из убеждения, что истинный коммунист должен быть образцом боевитости. Браковали и сам роман, лишённый крутого сюжета.

Недовольным ответила Елена Волкова из Дмитрова: “Насчёт того, что роман “Пробуждение” скучный, скажу: по сравнению с развлекательной литературой – например, детективами или триллерами – любое художественное произведение может показаться скучным” (“Правда”, № 135, 2019).

Запомним эту мысль. Она пригодится при разборе писательских откликов на роман А. Тимофеева.

В целом, несмотря на отдельные критические выплески, дискуссию в “Правде” отличает доброжелательный настрой, стремление объективно оценить роман как социальное явление и художественное произведение.

Обсуждение на сайте “Росписатель” сложилось иначе. Тон задала статья воронежского критика Вячеслава Лютого “В координатах духа и воли” (10.12.2019).

Необходимое уточнение. Статью Вячеславу Лютому заказал я. И предназначалась она для “Нашего современника”. Я знал Вячеслава Дмитриевича как вдумчивого критика, чуждого дешёвой патетики и в то же время обладающего широтой видения. Однако полученный материал заставил меня сомневаться в объективности В. Лютого.

Вступление смущало обилием абстрактных и высокопарных рассуждений: критик мечтал о произведении, способном “высечь искру, которая почти надмирным светом выхватит из мутного сумрака важнейшие черты происходящего”. Впрочем, Лютый признавал, что “здесь речь идёт скорее о произведении-великане”.

Мечтать, как говорится, не вредно. Но не худо бы соотносить мечты с реальностью.

Где эти высеченные “искры” в современной литературе? Измерять такой отсутствующей в наличной словесности мерой дебютный роман молодого писателя нелепо. И безответственно. Этак размахнувшийся в пылу вдохновения критик зачеркнёт не только новинку, но и весь литературный процесс.

А кстати, какие романы, написанные тридцатилетними, припомнит воронежский автор? Лютый не упоминает ни имён, ни названий. А я могу перечислить: Андрей Антипин “Капли марта”, Дмитрий Филиппов “Я – русский”, Сергей Доровских “Время весны”, Женя Декина “Плен”. Чтобы расширить список, добавлю “роман в повестях” Платона Беседина “Дети декабря”.

Я говорю о произведениях, написанных в русской литературной традиции. Ориентированных на реалистическую литературу. Постмодернистские изыски просьба не предлагать.

Пять романов – сколько пальцев на руке. Возможно, я пропустил одно-два названия. Всё равно не густо.

А ведь это не только художественные высказывания отдельных молодых писателей. В каком-то смысле это исповедь поколения. И, поверьте, читая крупномасштабную прозу, мы можем получить больше сведений о поколении, чем от всевозможных социологических обследований. То есть помимо литературной, они имеют и общественную ценность.

Все названные произведения я либо печатал, либо рецензировал. Свидетельствую: роман Андрея Тимофеева наиболее значительный. Под статью ему только повести Андрея Антипина – “Горькая трава” и “Дядька”. Но это повести, а мы обсуждаем роман.

Казалось бы, тут критику и проявить внимание, оказать поддержку молодому автору. Или, на худой конец, попытаться понять, какую разновидность романного жанра тот предлагает читателю. Теория, а главное, практика литературы знает немало таких разновидностей.

Определить, в каком жанре работает писатель, чрезвычайно важно. Критик не обязан любить автора, но, по слову Пушкина, “писателя нужно судить по законам, им самим над собою признанным” (А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 10-ти томах, т. X, М-Л, 1949). Это постулат, на котором основывается работа критика. От автора басни нельзя требовать эпического слога, в философском романе не стоит искать любовных приключений.

В. Лютый совершает фундаментальную ошибку. Он предлагает (в данном случае подошло бы слово “навязывает”) Тимофееву в качестве образца роман Н. Чернышевского “Что делать?” Критик объявляет его “наилучшим примером отечественного идеологического романа”.

В русской классике XIX века все романы – идеологические. “Война и мир”, “Преступление и наказание”, “Подросток”, “Братья Карамазовы”, “Обломов”, “Отцы и дети”. И вот они – “второй сорт”, а “Что делать?” – “наилучший пример”.

Экстравагантный выбор. Притом, что Лютый признаёт: в романе Н. Чернышевского “действительность угадывается только в самых общих чертах”, “свойственные жанру романа черты у Чернышевского размыты”.

Сам Николай Гаврилович, к его чести, невысоко оценивал своё писательское мастерство. На первых страницах “Что делать?” он признавался: “У меня нет ни тени художественного таланта”. Понятно, здесь не обошлось без смирения паче гордости. Но, с другой стороны, — это трезвая критическая оценка. Чернышевский был талантливым критиком.

Обратиться к прозе его заставили обстоятельства. Свой единственный роман он написал в заключении. Любой намёк на политическую пропаганду из уст узника был бы незамедлительно пресечён. Что же до снов Веры Павловны — героини романа, то это всего лишь сны. Художественная выдумка, извольте заметить.

Расчёт Чернышевского на формализм цензуры оправдался. Роман увидел свет. И сразу стал политической сенсацией. Но даже это не сделало его образцовым.

Зачем же Лютому понадобилось апеллировать к “давнему произведению почти забытого (по его словам. — **А. К.**) отечественного литератора и революционера”? А затем, чтобы “гвоздить” им молодого писателя.

Лютый усматривает в “Пробуждении” “едва уловимый спор” с романом Чернышевского. И тут же объявляет: “Такие параллели (какие? об этом, что показательно, ни слова. — **А. К.**) многое проясняют в произведении современного прозаика”.

Цель этой откровенной манипуляции ясна. Отказывая Чернышевскому в умении изображать действительность (а как же связь с традицией русского реалистического романа?), Лютый заявляет, что этот недостаток “компенсируется” “идейной устремлённостью героев”. Перед нами — утверждает критик — “молодые люди, одержимые (так!) идеей служения человеку”. У Тимофеева таких “одержимых” двое — Андрей и Варвара. Остальные герои “Пробуждения” — нормальные люди. Это и становится основанием для обвинения: “Володя Молчанов погружён в свой свободный ум, снисходителен, начитан и одновременно — поразительно теплохладен... Грубоватый Андрей... кажется более симпатичным человеком, нежели умница Молчанов”.

Кому кажется? Лютый именует Володю “теплохладным”. Но мы-то помним его восторженное: “. . . Останутся в этом воздухе её, Катины, слова, и останется её уверенность, и её красота — и будут вечно, и ничто уже не сможет стереть из памяти мира ни одного доброго её слова, ни одной улыбки, ни одного движения души — и этого достаточно будет, чтобы мир стоял ещё”.

Но что критику чистая Катя с её трогательной любовью, её наивной верой? Лютый отзывается о ней: “Склонная к неврастении”.

Поразительно! Участники дискуссии в “Правде” чуть ли не единодушно (рабочий А. Парфёнов, критик Ю. Харлашкин, прозаик И. Иваськова) оценивают образ Кати как несомненную удачу романа, а для Лютого она “неврастеничка”. Критик В. Семёнова пишет о “миролюбивом настрое”, “добром расположении” Володи Молчанова. А воронежский “зоил” объявляет его “теплохладным”.

Симпатичны ему комиссарша Варвара и Андрей с “налитыми ненавистью глазами”.

Показательно, что критик “консервативного направления” внезапно взял за образец нигилистический роман. Хотя, казалось бы, ему должен быть ближе роман Николая Лескова “На ножах”, написанный в прямой полемике с Чернышевским.

Конечно, критик имеет право на ошибку. Надо только успеть вовремя исправить её. А для этого почаще сверяться с текстом — как там написано?

К сожалению, Лютый этим пренебрегает. Не желает замечать жанровую природу “Пробуждения”, продолжая поверять роман “образцовым” “Что делать?”.

Но если у Чернышевского роман-утопия, то у Тимофеева — роман воспитания. Что явствует из названия — “Пробуждение”.

Роман воспитания — почтенная, хотя и не слишком распространённая разновидность жанра, восходящая к диалогии о Вильгельме Мейстере Гёте и “Дэвиду Копперфильду” Диккенса, а у нас к пушкинской “Капитанской дочке”, “Подростку” Достоевского, романам Гончарова. Литературоведы относят сюда же трилогию Л. Толстого “Детство”, “Отрочество”, “Юность”, которую писатель намеревался завершить четвёртой частью и опубликовать под общим названием “Четыре эпохи развития” (Е. Краснощёкова. Роман воспитания —

Bildungsroman – на русской почве. Карамзин, Пушкин, Гончаров, Толстой, Достоевский. Спб., 2008).

Наиболее авторитетно о романе воспитания высказался выдающийся теоретик Михаил Бахтин. Он рассматривает “массовый” тип романа, в котором герои внутренне статичны: “Герой есть та неподвижная и твёрдая точка, вокруг которой совершается всяческое движение в романе... Движение судьбы и жизни такого готового героя и составляет содержание сюжета, но самый характер человека, его изменение и становление не становятся сюжетом”.

Таковы, замечу, и герои Чернышевского, которыми восхищается Лютый.

Этому “господствующему” типу романа Бахтин противопоставляет “иной, несравненно более редкий тип романа, дающий образ становящегося человека. В противоположность статическому единству здесь даётся динамическое единство образа героя... Изменение самого героя приобретает сюжетное значение, а в связи с этим в корне переосмысливается и перестраивается весь сюжет романа” (М. М. Бахтин. Роман воспитания и его значение в истории реализма (по Гёте). Постановка проблемы романа воспитания).

Такой роман написал Андрей Тимофеев. Именно поэтому в нём не происходит чрезвычайных событий. Вершиной романа становится не “большой поступок”, о котором хлопочет Лютый, а осознание рассказчиком связи со страной и ответственностью за неё и за русских.

Не замечая специфики “Пробуждения”, Лютый всё дальше отходит от романа. Игнорирует его проблематику. Моральный выбор, который непросто даётся герою (а кто бы так, запросто, бросил всё и поехал на войну), он объясняет нарочито вульгарно: “Баба изменила”.

Напомню то, о чём писал не раз: всё, что мы говорим о других, немало рассказывает о нас. В данном случае намеренное упрощение проблематики, откровенная пошлость формулировки не слишком хорошо характеризует критика В. Лютого.

Проблему политической секты, стоящую в центре “Пробуждения”, и – подчеркну особо – чрезвычайно актуальную сегодня, критик просто не замечает. Так же, как и другую – взаимоотношения человека и истории. Лютый объявляет Катю “истеричной”. А соответственно – её переживания из-за потери Андрея, которого “мобилизуют” грозные события в Донбассе, для него не имеют значения.

Игнорируя реальную проблематику романа, Лютый навязывает свою. Он обвиняет Володю и Катю в склонности “к социальному христианству как доктрине мирной и человеколюбивой”. Сколько иронии в этих словах! Сразу вспоминается, что критику нравятся иные слова и герои – “одержимые”.

Ещё менее состоятельны претензии к героям и автору “Пробуждения” в том, что они якобы хотят “начать свою жизнь с чистого листа”, забывая о драматичной истории России.

Нерв романа – переживание трагедии распада страны. Этим объясняются поступки героев: сбор пожертвований для Донбасса, лихорадочное внимание к сводкам боестолкновений, участие в митингах и пикетах “Сути”.

А вот что пишет Лютый: “Всё прошлое страны для него (Володи Молчанова. – А. К.) ушло далеко-далеко... Даже сравнительно недавняя и кровавая осень 1993 года...”

Для него чужая молодая смерть и боль в том, уже отошедшем в другое тысячелетие октябре, судя по всему, ничего не значит”.

Судя по чему? Хотел бы напомнить Вячеславу Дмитриевичу, что профессионалы должны отвечать за свои слова. Обвинение, которое он выдвигает против молодого писателя, слишком серьёзное. Но на чём оно основано?

В романе о 93-м говорится только раз – с болью. На митинге 7 ноября старушка причитает: “В 1993 году ходила я на Горбатый мост, вот там было страшно, родные мои... Вы не застали, вы ещё маленькие были, а мы-то видели всё...” Ей отвечает один из членов ячейки: “Мы выросли, бабушка”. И эти скупые слова – как клятва при наследовании памяти. Именно потому, что они сказаны на митинге, посвящённом борьбе за страну и её историю (день 7 ноября).

Почему о 1993-м не сказано больше? Потому что роман Андрея Тимофеева о событиях 2014-го. Борьба продолжается. И рассказчик стремится найти в ней своё место.

Если Вячеславу Лютому так хочется прочесть роман об Октябре, то кто же мешает? Есть недооценённый полузабытый роман Юрия Бондарева “Бермудский треугольник” — как раз о воприятии трагедии глазами молодых. Есть документальная повесть священника Виктора Кузнецова “Так было. Расстрел” — впечатляющее свидетельство участника событий.

Кстати, почему бы критику не написать об этих произведениях? Не напомнить о них? А мог бы и сам засесть за повествование о кровавом октябре. Нет, он не будет делать ни того, ни другого, удобней попрекать молодого автора: что же ты не сказал о той эпохе?

Войдя во вкус, критик усиливает нападки. Причём, использует недостойный, на мой взгляд, приём. Во второй статье “Поступки и скупые слова” (“Росписатель”, 25.12.2019) Лютый говорит вроде бы обобщённо — о “молодёжи”, “молодом сознании”, но говорит в связи с “Пробуждением”. Так что сказанное адресуется автору: “...Сегодня линия несовпадения взглядов поколения старших и младших практически полностью детерминирована отношением даже не к наличному социуму, а к полноте наследия, которое старики в состоянии передать молодёжи... В противном случае твоя собственная идентификация будет стёрта, стерилизована, а сам ты окажешься человеком не только без рода и племени, но и без нравственного закона и ощущения неисчерпаемой бездны бытия”.

Сказано о важном, чрезвычайно существенном. Но как сказано! Раздражает высокопарная красивость (“неисчерпаемая бездна бытия”), а главное — абстрактная постановка вопроса. Идёт ли речь о писателях или обо всей толще поколений? А если о писателях, то кто эти “старики” и “молодые”?

И что они собираются передавать? Лютый пишет: “Одно слово старика может перевернуть жизнь молодого”. Ну так найди такое слово! Для начала нужно самому возвыситься до него.

Возвращаясь к обвинениям Лютого в адрес молодых, замечу: предьявлять их Андрею Тимофееву нелепо. Ведь это он третий год организует грандиозное Всероссийское совещание молодых писателей в Химках, где 130 начинающих авторов встречаются с наставниками и где происходит плодотворный диалог поколений.

Андрей Тимофеев подготовил Антологию критики второй половины XX века, собрав важнейшие статьи В. Кожинова, М. Лобанова, Т. Глушковой, П. Палиевского, Ю. Селезнёва. Такова реальная работа по освоению духовного наследия.

Что же в конце концов хочет от Тимофеева Лютый? Судя по названию его второй статьи (“Поступки и скупые слова”), — поступка, действия, экшена. Составление Антологии — не в счёт? Совещание в Химках — не в счёт? И роман — один из немногих романов поколения — похоже, не засчитан.

Почему же? Ответ туманен: “В этой истории что-то готово было случиться, но не случилось. Что-то готово было назваться и определить себя, но робко промолчало. Кто-то готов был сделать шаг, но стало непонятно, куда идти — и в полной растерянности человек двинулся наугад... Именно здесь кроется изъян представленного сюжета” (“Росписатель”, 25.12.2019).

Критик неправ трижды!

Фактически. Володя в романе двинулся не “наугад”, а поехал помочь туда, где помощь была всего нужнее. Рядовые читатели это поняли. “Желая помочь страдающим в Донбассе людям, Владимир покупает инсулин для диабетиков и едет в Луганск”, — пишет Елена Волкова из Дмитрова (“Правда”, № 135, 2019). Она сравнивает Молчанова с выпускниками школ, которые после 22 июня 1941 года осаждали военкоматы. Вот как высоко оценен поступок героя!

Почему же этого поступка не замечает профессиональный критик?

Лютый просчитался и с точки зрения социологии. Где в реальной жизни он сегодня видит рыцарей без страха и упрёка? Но если их нет в действительности, почему он требует от писателя придумать, сконструировать их?

И вновь читатели оказались пронциательнее, зорче критика. “К сожалению, — пишет в “Правде” Виктор Василенко из Белгорода, — среди героев “Пробуждения” нет современного Павла Власова... Но я бы не спешил ставить это в упрёк писателю. Ведь герой Горького — не вымысел писателя, он взят из реальной жизни своего времени, а в нынешней жизни в левом движении спрос на “Павлов Власовых” намного превосходит предложение” (“Правда”, № 129, 2019).

И наконец, Лютый неправ с художественной точки зрения. Жажда эффектного финала, решительного поступка, экшена – злосчастная примета нашего времени. Эпохи, когда действия внешние ценятся выше, чем происходящее в душе человека.

Вспомним ещё раз финал “Преступления и наказания”. В предпоследнем абзаце Достоевский пишет о Раскольникове: “Он даже и не знал того, что новая жизнь не даром же ему достанется, что её надо ещё дорого купить, заплатить за неё великим, будущим подвигом” (Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч. в 30-ти томах, т. 6, Л., 1973).

Вот оно, искушение Лютого – “великий подвиг”. Но Достоевский, упомянув о нём, к “подвигу” не возвращается. Избегает героики как действия внешнего. Писателю важно, что душа героя преобразилась. Подвиги – это для журналистов и историков.

А другие романы Фёдора Михайловича? Многие ли из них завершаются значимыми событиями?

Да поймите же, что предмет художественной литературы – жизнь души и сердца. “. . . Тут дьявол с Богом спорят, а поле битвы – сердца человеческие”, – утверждал Ф. Достоевский (Полн. собр. соч., т. 14, Л., 1976).

Борьбу за торжество добра и ответственности молодой писатель показал талантливо и честно. Можно ли упрекать его за приверженность русской художественной традиции и глубокое понимание сущности литературы?

Об откликах на публикации Лютого много говорить не буду. Поражает единообразие. Обычно в этом винят коммунистов: мол, все, как по команде. Но, смотрите – “Правда” представила живую читательскую разногласицу, а писательский сайт. . .

Тенденции две: восхваления Лютого, иной раз за гранью здравого смысла. Его объявляют не только “выдающимся нашим современником”, но и “устами, которыми озвучивается Слово” (“Росписатель”, 26.12.2019). Некая Анастасия пишет с заглавной буквы – Слово как одно из имён Бога.

Другая тенденция – поношения Андрея Тимофеева. “А зачем такие “писатели” вообще нужны, которые, по словам Критика, устали чувствовать себя русскими, – возмущается Евгения. – Зачем нам в такую тяжёлую эпоху такие писатели, как Тимофеев, если толку от него нет?” При этом Евгения с гордостью объявляет, что “Пробуждение” не читала и не собирается: “Лично я не притронусь к его роману”.

Комментарии излишни.

Воздержусь от обобщений. Я говорю о конкретных публикациях, которые представляются мне неудачными.

В современной литературе мало произведений о молодёжи. Талантливых тридцатилетних авторов можно пересчитать по пальцам. На мой взгляд, это необходимо учитывать при обсуждении романа одного из самых перспективных молодых писателей.

Завершая статью, процитирую письмо Виктора Василенко из Белгорода: “Если роман дойдёт до широкого круга молодёжи (а в интернете он уже распространяется читателями), то наверняка будет способствовать духовному и политическому пробуждению тех, от кого во многом зависит судьба России” (“Правда”, № 129, 2019).